

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920–1930-х гг.*

Кринко Е.Ф.¹

¹доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: krinkoef@gmail.com

Аннотация: Завершение Гражданской войны поставило перед советским руководством вопросы об административном обустройстве народов Северного Кавказа. Выбор различных вариантов национально-государственных и административно-территориальных преобразований зависел от различных факторов. Статья посвящена двум первым советским десятилетиям, ставших периодом активных поисков новых государственных и административных форм обустройства населявших его народов.

Ключевые слова: национально-государственное строительство, административно-территориальные преобразования, Адыгейская АО, Горская АССР, Дагестанская АССР, Кабардино-Балкарская АССР, Карачаево-Черкесская АО, Осетинская АССР, Чечено-Ингушская АССР, Северо-Кавказский край.

История национально-государственных и административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг. принадлежит к числу широко разрабатывавшихся еще в советской историографии проблем. Она нашла свое отражение как в обобщающих [Коркмасова 1970; История 1979 и др.], так и в специальных исследованиях [Мулукаев 1958; Автономия народов 1973; Кониев 1973; Ансоков 1974, Эбзеева 1976; Абулова 1984 и др.]. Однако советскими историками в духе господствовавших в тот период развития науки представлений нередко апологетизировалась роль большевистской партии в решении национального вопроса на Северном Кавказе, умалчивались конфликты между различными автономиями и другие противоречия в реализации советской национальной политики. С новых позиций рассматривают данную про-

*Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

блему современные российские [Бугай, Мекулов 1994; Северный Кавказ 1994; Хлынина 1997; Шнайдер 2007; Даудов, Месхидзе 2009; Хлынина, Кринко, Урушадзе 2012; Карпов 2017 и др.] и зарубежные [Кадио 2010; Мартин 2011 и др.] исследователи Тем не менее, в ее изучении все еще остается немало дискуссионных вопросов, поиск ответов на которые тесно связаны с введением в научный оборот новых документов [ЦК РКП(б) 2005; Вайнахи 2011] и появлением новых подходов [см. подробнее: Хлынина 2003 и др.]. Актуализируют обращение к историческому опыту 1920–1930-х гг. и современные поиски более эффективных способов и механизмов управления регионом, порождающие новые проекты административных преобразований, а также новый виток территориальных споров на Северном Кавказе.

Первыми формами реализации национального самоопределения народов Северного Кавказа после Гражданской войны стали национальные автономии. 13 ноября Чрезвычайный съезд народов Дагестана провозгласил декларацию о советской автономии Дагестана, а 20 ноября на съезде народов Терской области была провозглашена Горская Автономная Социалистическая Советская Республика (далее — АССР). 20 января 1921 г. ВЦИК утвердил создание Горской АССР и Дагестанской АССР. Отличительной особенностью первых северокавказских автономий являлось то, что они создавались не по этническому, а по административно-территориальному принципу, имели многонациональный состав населения. Дагестанская АССР включала Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумукский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Самурский и Темирханшуринский округа бывшей Дагестанской области, а также Хасавртровский округ Терской области, населенный преимущественно кумыками, аварцами и чеченцами-ауховцами. Горская АССР включала шесть административных округов, выделенных по национальному принципу: Чеченский, Назрановский, Владикавказский, Кабардинский, Балкарский и Карачаевский. Города Владикавказ (центр автономии) и Грозный с нефтяными промыслами выделялись в самостоятельные административные единицы. Большая часть земель терских казаков была разделена между Ингушским, Чеченским, Кабардинским и Осетинским округами. Остальные (Карабулакская, Троицкая, Ассинская, Нестеровская, Самашкинская, Вознесенская, Терская, Петропавловская, Горячеводская и Ильинская станицы) составили Сунженский (казачий) округ. В марте 1921 г. из Владикавказского округа выделился Дигорский округ, но уже в апреле следующего года он был упразднен.

На оставшейся части Терской области была создана Терская губерния с центром в городе Георгиевске. Оценивая первый этап административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе после Гражданской войны, А. Цуциев отмечает: *«Во внутренней композиции Горской республики отчетливо сохранены границы округов бывшей*

Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.

Терской области». В качестве единственной существенной новации он указывает на то, что были «упразднены Кубанское и Терское казачьи войска, а их области теряют свое специфическое военно-сословное административно-территориальное лицо» [Цуциев 2006: 62, 65].

Однако судьба Горской АССР оказалась недолговечной. Практически сразу после создания горской автономии начался ее распад. Первой выделилась Кабарда в связи с территориальными претензиями к ней со стороны руководства Горской АССР и других округов. Современные кабардинские историки считают, что «участие кабардинцев в коллективной форме государственности обернулось для них национальной катастрофой», с чем не могли не считаться руководители округа [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 50]. Уже 1 сентября 1921 г. по решению ВЦИК, не принявшего во внимание негативную позицию руководства Горской АССР по данному вопросу, была создана Кабардинская АО. 16 января 1922 г. она объединилась с Балкарским округом в Кабардино-Балкарскую АО с центром в Нальчике.

При этом границы новой автономии вследствие обострившихся территориальных противоречий не удалось установить даже специальной комиссии ВЦИК [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 418. Л. 11]. Для урегулирования приграничного кабардино-карачаевского конфликта по поводу горных пастбищ потребовалось вмешательство вооруженных сил. По итогам объединенного совещания командующего Северо-Кавказским военным округом К.Е. Ворошилова с представителями Кабарды и Карачая была утверждена временная разграничительная линия между ними, от Эльбруса на север по плато Бийчесын, реке Березовской, точке слияния рек Мушта и Хасаута к восточному притоку реки Кич-Малки. Но пограничные споры продолжались и в следующие годы [Джазаева 2011: 33–41].

В результате выделения Кабарды, а затем и Балкарии Карачаевский округ оказался отрезан от остальной части Горской АССР. Поэтому его руководство подняло вопрос о более удобном варианте административно-территориального обустройства, каковым было признано объединение карачаевцев с черкесами, абазинами и ногойцами в одну автономию. Еще 12 января ВЦИК издал декрет об образовании Карачаево-Черкесской АО с центром в станице Баталпашинской (в настоящее время — город Черкесск). 27 июля Президиум ВЦИК принял постановление о создании Черкесской (Адыгейской) АО, вошедшей в Кубано-Черноморскую область на правах самостоятельной административно-хозяйственной единицы. 24 августа, «во избежание недоразумений и путаницы», она была переименована в Адыгейскую (Черкесскую) АО. Центром ее временно был определен не входивший в нее г. Краснодар, являвшийся центром Кубано-Черноморской области [Чирг, Денисова, Хлынина 2002: 123–124].

Таким образом, большая часть адыгов, за исключением шапсугов, оказались разделены на три автономии (Кабардино-Балкарская АО, Карачаево-Черкесская АО и Адыгейская (Черкесская) АО), в двух из которых они были объединены с этнически близкими между собой, но также оказавшимися разделенными представителями тюркских этносов — балкарцами и карачаевцами. За пределами данных автономий остались причерноморские шапсуги в силу отдаленности территории их проживания. И все же следует согласиться с А. Цуциевым, который утверждает: *«Границы национально-государственных и административных образований, равно как и их статус, не является результатом политического произвола большевиков, но скорее эффектом противоречивого использования и комбинирования нескольких критериев: идеологических, этнических, хозяйственно-экономических»*. Он не считает обоснованным *«утверждение, что в процессе советского национально-государственного строительства и создания национально-территориальных единиц не учитывались особенно-сти этнического расселения. Просто учет этого критерия никогда не был и не мог быть абсолютно самостоятельным»* [Цуциев 2006: 62].

Тем временем, продолжался распад Горской АССР. Несмотря на протесты ее руководства, 30 ноября 1922 г. было принято постановление Президиума ВЦИК о выделении Чеченской АО. Инициатива, как и в случае с Кабардой, исходила из Чечни, а советское руководство лишь законодательно оформило ее. Областные учреждения новой автономии размещались в Грозном, который при этом не включался в ее состав и оставался самостоятельной административной единицей. Предполагалось, что точные границы Чеченской АО установит Административная комиссия ВЦИК [Вайнахи 2011: 462]. 4 января 1923 г. Президиум ВЦИК постановил включить в состав Чеченской АО, помимо Чеченского округа Горской АССР, станицы Петропавловскую, Горячеводскую, Ильинскую и хутор Сарахтинский Сунженского округа [Вайнахи 2011: 464].

В этой ситуации руководство Ингушетии также обсуждало возможности ее выделения в самостоятельную административную единицу или присоединения к Чечне. В частности, указанные вопросы поднимались на пленуме Назрановского парткома 8 декабря 1922 г. Однако присоединение Ингушетии к Чечне получило отрицательную оценку, поскольку должно было привести *«к перенесению центра Ингушетии в Грозный, а областного — в Ростов»*. В постановлении пленума говорилось: *«Грозный далеко, Владикавказ — близок и мы с ним связаны базаром»*. Далее отмечалось: *«Присоединение грозит углублением национальной розни между ингушами и осетинами с одной стороны, и ингушами и казачками, с другой»* [Бугай, Мекулов 1994: 107].

Выделение Чечни в самостоятельную автономию вызвало беспокойство населения Сунженского округа, который, по словам делегата

Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.

X Всероссийского съезда Советов М. Кирисенко, «*был разбросан по небольшим частям среди окружения чеченским, ингушским и осетинским населением*». В письме в НКВД РСФСР от 25 декабря 1922 г. М. Кирисенко предлагал выбрать один из трех вариантов для населения округа: 1) объединить казачьи станицы вокруг Грозного как экономического центра, обеспечивающего «*для казачьего населения политические перспективы и рынок сбыта своего сельскохозяйственного производства*»; 2) сгруппировать разбросанные казачьи станицы «*при массе чересполосиц в одну компактную единицу посредством проведения в жизнь обмена с Чечней станицами, а именно: Петропавловскую волость переселить в ныне населенные чеченцами, ранее бывшие казачьи станицы, расположенные по течению реки Сунжи до г. Грозного (станции Ермоловская, Закан-Юрт, Самашкинская и Михайловская), а на место Петропавловской волости вселить чеченцев, населяющих эти станицы*»; 3) в крайнем случае, полностью выселить казачье население «*из пределов бывшей Терской области в одну из центральных губерний советской России*» [Вайнахи 2011: 468–469]. Однако ни одно из этих предложений так и не было принято.

Одновременно с предоставлением автономий отдельным народам Северного Кавказа советское руководство искало возможности для консолидации их усилий в вопросах социально-экономического развития. Такие возможности связывались с предложенным Госпланом еще в 1921 г. созданием Юго-Восточного района с Экономическим советом, призванным заняться организацией всей хозяйственной жизни. Однако руководство национальных автономий увидело в создании Юго-Восточного района лишь «*умаление их прав*». 12 июля 1923 г. председатель СНК и председатель ЦИК Дагестанской АССР Д. Коркмасов и Н. Самурский, председатель СНК Горской АССР С. Мамсуров и председатель Чеченского областного ревкома Т. Эльдерханов сообщили в Президиум ВЦИК о том, что они «*против включения автономий в Юго-Восточный район*» [Бугай, Мекулов 1994: 118]. Очевидное несовпадение векторов экономического и политического развития региона снижало эффективность предпринимавшихся мер и вынуждало к поиску новых административных форм.

13 февраля 1924 г. из Донской и Кубано-Черноморской областей, Ставропольской и Терской губерний, а также Горской АССР, Адыгейской (Черкесской) АО, Кабардино-Балкарской АО, Карачаево-Черкесской АО, Чеченской АО и города Грозного была создана новая административная единица — Юго-Восточная область с центром в Ростове-на-Дону. В состав Дагестанской АССР, оставшейся за пределами нового образования, из упраздненной Терской губернии была передана территория ликвидированного Кизлярского уезда. По постановлению ВЦИК от 2 июня, в соответствии с новым принципом административ-

но-территориальной организации страны, Юго-Восточная область была разделена на 10 округов: Армавирский, Донецкий, Донской, Кубанский, Майкопский, Морозовский, Сальский, Ставропольский, Терский и Черноморский. Они, в свою очередь, делились на районы.

У Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) с самого начала сложились негативные отношения с руководством Горской АССР, и оно обратилось в ЦК РКП(б) с предложением о ее разделении. Однако на 2-й Юго-Восточной конференции РКП(б), состоявшейся 5–8 мая 1924 г., отмечалось, что комиссии, выезжавшие в Горскую АССР, пришли к выводу: «*При упразднении ГАСССР может опять возникнуть рознь между ингушами и осетинами*» [Бугай, Мекулов 1994: 109–110].

Окончательно упразднена была Горская АССР специальным декретом ВЦИК от 7 июля 1924 г. с выделением из нее Северо-Осетинской АО и Ингушской АО, а также Сунженского казачьего округа. Город Владикавказ превращался в административный центр Северо-Осетинской АО и Ингушской АО, сохранив самостоятельный административный статус с подчинением его краевым и центральным властям. Установление границ между новыми образованиями и разрешение всех других споров должна была произвести специальная комиссия, которой поручалось закончить работу в месячный срок [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 133. Л. 64–65].

16 октября Юго-Восточная область была переименована в Северо-Кавказский край. Наряду с округами в него вошли Адыгейская (Черкесская) АО, Карачаево-Черкесская АО, Кабардино-Балкарская АО и Чеченская АО, а также Сунженский казачий округ, города Грозный и Владикавказ на правах округов. Недавно Ингушская АО и Северо-Осетинская АО первоначально вошли напрямую в РСФСР, но 8 декабря Оргбюро ЦК РКП(б) удовлетворил просьбу Северо-Кавказского крайкома партии «*об оставлении Ингушетии и Осетии в составе Северо-Кавказского края*» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 154. Л. 42–42 об.]. В условиях перехода к новой экономической политике национальные различия все более утрачивали свое значение перед «*соображениями хозяйственной целесообразности и экономической эффективности*» [Хлынина 1997: 93].

Однако вопрос о территориальном размежевании отдельных автономий оставался открытым, хотя в июле 1924 г. и в феврале 1925 г. были проведены совместные заседания председателей ревкомов автономных областей о границах между городом Владикавказом, Осетией и Ингушетией, создана комиссия по обследованию приграничных районов. Только 23 декабря приступила к работе комиссия Президиума ВЦИК по вопросу о разграничении новых автономных образований бывшей Горской Республики. В нее вошли председатель СНК Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики Ш.З. Элиава

Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.

(председатель), член ЦИК СССР В.В. Фомин и заместитель председателя Северо-Кавказского крайисполкома В.Н. Толмачев. Границы Северо-Осетинской АО и Ингушской АО с Владикавказом были установлены достаточно быстро, в отличие от границ между новыми автономиями. В объяснительной записке в президиум ВЦИК председатель комиссии, во-первых, указывал на *«глубокое недоверие друг к другу двух смежных народностей»*, вытекающее из *«эпохи господства на берегах Терека царского самодержавия»* и *«обострившееся в эпоху революции и Гражданской войны»*. Во-вторых, он отмечал, что представители автономии в своих спорах исходили *«не из соображений простого административного размежевания своих областей и удобства администрирования и советского строительства»*, а рассматривали их, *«как тяжбу о политических границах между своими народами»*, о чем свидетельствовали *«многочисленные ссылки этих товарищей на исторические документы и памятники прошлого»*. Председатель комиссии предполагал, что *«эти натянутые отношения между соседними народами ликвидированы не будут и впереди неизбежны новые трения и новое обострение отношений, если, конечно, к их предотвращению не будут приняты решительные, радикальные меры с самого начала»* [ЦК РКП(б) 2005: 257].

Ш.З. Элиава подчеркивал, что *«территориальный спор между Осетией и Ингушетией, в основном, экономического значения не имеет и при кажущейся экономической важности спорных участков, в общем, не превышающих нескольких сот десятин, политический момент в споре господствовал над всеми другими мотивами»*. Комиссия легко разрешила вопрос о небольших участках пахотной земли к северу от Владикавказа, в районе селения Ольгинское. *«Основной и жестокий спор между сторонами возник вокруг района, расположенного к югу от Владикавказа, с Редантского района до границы бывшей Горской Республики с ССР Грузией»*. Расположенный на левом берегу Терека спорный район до 1917 г. входил в состав Владикавказского округа, но при создании Горской АССР перешел первоначально в Назрановский округ. В 1922 г. Горский ЦИК установил временную границу по течению Терека с включением спорного района в границы Осетии без редантских хуторов с ингушским населением, оставленным в составе Ингушетии.

При упразднении Горской АССР стороны выдвинули взаимоисключающие претензии. Комиссия, исходя из *«создавшейся в эпоху Гражданской войны исторической обстановки»*, из того, что *«экономическое значение спорного района слишком ничтожно для обеих сторон, а также из соображений административно-технических»*, пришла к выводу о необходимости включения его в состав Ингушетии. Во внимание также приняли *«нарочито подчеркиваемые представителями Ингушетии обвинения по адресу осетинских работников в их усиленной работе за последние два года по подготовке населения спорных селений против*

Ингушетии, а также большую активность ингушских масс по сравнению с осетинскими, и большую частоту случаев бандитизма со стороны ингушей». Но представители Осетии «заявили решительный протест» на решение комиссии [ЦК РКП(б) 2005: 258–259].

Руководство Северной Осетии изначально выступало за другой вариант решения национального вопроса, предусматривавший созданий единой осетинской автономии в РСФСР. Однако советское руководство приняло решение оставить Южную Осетию в составе Социалистической Советской Республики Грузии. 20 апреля 1922 г. в составе ССР Грузии была образована АО Юго-Осетии, позже переименованная в Юго-Осетинскую АО с центром в Цхинвали (в 1936–1961 гг. назывался Сталинири). Тем не менее, вопрос об объединении Северной и Южной Осетии не раз поднимался и в дальнейшем, например, на заседании Большого президиума Северо-Кавказского крайисполкома [Бугай, Мекулов 1994: 111].

В ходе дальнейших преобразований Карачаево-Черкесская АО в 1926 г. была разделена на Карачаевскую АО и Черкесский национальный округ, преобразованный еще через два года в Черкесскую АО. Дагестанская АССР в 1928 г. была разделена вместо прежних округов на 26 кантонов и 2 подкантона, на следующий год кантоны переименовали в районы, как и в других регионах страны. К Чеченской АО в 1929 г. был полностью присоединен Сунженский казачий округ.

16 июня 1931 г. по предложению И.В. Сталина на Политбюро рассматривался вопрос о Дагестане. Было принято решение признать «целесообразным вхождение Дагестанской Республики в состав Северо-Кавказского края». В свою очередь, в 1934 г. его разделили на Азово-Черноморский с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский края с центром в Пятигорске, с 1936 г. — в Орджоникидзе (в настоящее время — Владикавказ), а затем в Ворошиловске (в настоящее время — Ставрополь). Чечня в том же 1934 г. объединилась с Ингушской АО в Чечено-Ингушскую АО. Общим административным центром новой автономии стал Грозный, а Владикавказ, переименованный еще в 1931 г. в Орджоникидзе, 1 июля 1933 г. был включен в состав Осетинской АО [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 923. Л. 27–28].

При анализе мотивов объединения Чечни и Ингушетии представляет интерес подготовленная за несколько лет до этого начальником информационного отдела ОГПУ Алексеевым записка в ЦК ВКП(б) о политико-экономическом состоянии национальных областей Северного Кавказа. В ней отмечалось, что проект объединения Чечни и Ингушетии национальной интеллигенцией «усиленно продвигался на протяжении последних двух лет и продолжает продвигаться в массы, несмотря на запрет со стороны краевых инстанций». Причины его появления сводились к четырем основным пунктам. Во-первых, Чечня и Ингушетия

Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.

рассматривались как территории «одного этнического происхождения, родственны по языку, быту, культуре, религии и хозяйственной степени развития. В пограничных отношениях нет противоречий, а хозяйственная и духовная связь сильна». Во-вторых, объединение, за счет создания единого аппарата, «освобождает все культурные силы и позволяет их равномерное распределение, чем устраняет зависимость от русских культурных сил. Внутреннее районирование облегчает бюджет». В-третьих, объединение должно было привести «к большей политической независимости. На случай осложнения с краем можно будет ставить вопрос о вхождении в РСФСР, подобно Дагестану». Предполагалось и возрастание финансовых потоков в сочетании с дальнейшим расширением территории: «Увеличатся шансы на город Грозный и отчисление больших прибылей от Грознефти. Можно будет поднять вопрос о присоединении части Хасав-Юртовского округа Дагестана в прилегающем к Чечне районе, заселенном чеченским племенем (5 аулов — 17 тыс. человек), что позволит частично разрядить земельную тесноту в нагорных районах». Наконец, в-четвертых, край «уделяет Чечне и Ингушетии недостаточное внимание, в то время как обе области, наиболее потерпевшие от режима колонизации и Гражданской войны, по своим революционным заслугам имеют право рассчитывать и на наибольшие преимущества в деле поднятия их культурно-хозяйственного уровня».

Автор документа отмечал, что эти идеи «в частном порядке обсуждались на ряде партийно-комсомольских пленумов», а также попытку «поставить их в решительной форме и на чеченской партийной конференции» в конце 1927 г. В качестве лидеров движения за объединение Чечни и Ингушетии автор записки назвал заведующих отделами Чеченского областного исполкома: народного образования — Ошаева, земельного — Курбанова, здравоохранения — Хамзатова. В Ингушетии же, по его мнению, эти идеи разделяла и отстаивала «крупная и родовитая интеллигенция Мальсаговых, стоящих в оппозиции ингушскому языковскому руководству» [ЦК РКП(б) 2005: 547].

Стремление к объединению отмечалось Алексеевым и в других автономиях. В частности, в Северной Осетии набирало силу «стремление к объединению с Южной и Моздокскими Осетиями, с созданием центра в гор. Владикавказе». Оно совпадало с еще одной тенденцией, выражавшейся в культивировании «антагонизма к краевому центру, как к представителю “казачьего большинства”, стесняющего якобы национальное развитие осетин». Поэтому после объединения предполагался выход «из Краевого объединения и вхождение в состав Закавказской Федерации» [ЦК РКП(б) 2005: 548–551]. В среде адыгейской национальной интеллигенции культивировались идеи создания «Великой Черкесии» путем слияния Кабардино-Балкарской и Адыгейской (Черкесской)

АО «в одно национальное объединение и переселения из Турции двух миллионов черкесов, выселенных туда царским правительством в середине прошлого столетия» [ЦК РКП(б) 2005: 540–551].

В 1935 г. на Северном Кавказе отпраздновали полуторадесятилетние юбилеи образования двух первых горских автономий, а на следующий год пришлось новая волна преобразований, выразившаяся, прежде всего, в повышении формального статуса и соответствующих ему экономических и социальных возможностей наиболее крупных национально-государственных образований. В 1936 г. из состава Северо-Кавказского края вышли Дагестанская АССР и ставшие автономными республиками Кабардино-Балкария, Северная Осетия и Чечено-Ингушетия. Автономные республики напрямую входили в состав РСФСР, в то время как оставшиеся автономными областями Адыгея, Карачай и Черкесия сохранили краевое подчинение. В 1937 г. Азово-Черноморский край разделили на Краснодарский край и Ростовскую область, а Северо-Кавказский край переименовали в Орджоникидзевский. В его состав из Дагестанской АССР в 1938 г. был передан Кизлярский округ.

Для компактно проживавших представителей национальных меньшинств в 1920–1930-е гг. были созданы национальные районы и национальные сельсоветы. Еще 3 апреля 1920 г. Туркменский уезд был преобразован в Туркменский национальный район. В ноябре 1924 г. Президиум ВЦИК утвердил образование Шапсугского национального района в составе Черноморского округа. Кроме них, в Северо-Кавказском крае существовали армянский, греческий, калмыцкий и немецкий районы. В Дагестанской АССР — аварские, азербайджанский, андийский, ахвахский, даргинские, дидойский, кайтагский, кумыкские, лакский, лезгинские, ногайский, русский, рутульский, табасаранский, тиндальский, чеченский районы.

Но 1 декабря 1937 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло, а 17 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». Под упразднение национальных районов и сельсоветов подводилось идеологическое обоснование, говорилось об их «искусственном» создании в ряде областей и краев, не оправдываемом «национальным составом их населения». Более того, создатели и руководители ряда национальных районов и сельсоветов подвергались репрессиям. В документе со ссылкой на проведение специальной проверки говорилось о том, что «многие из этих районов были созданы врагами народа с вредительскими целями. Буржуазные националисты и шпионы, пробравшиеся на руководящие посты в этих районах, проводили антисоветскую работу среди населения, запрещали в школах преподавание русского языка, задерживали выпуск газет на русском языке и т. п.». Исходя из этого, ЦК ВКП(б) признал «нецелесообразным дальнейшее существование как особых национальных районов, так и сельсоветов» и обязал партийные органы, на территории которых

Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.

находились национальные районы и сельсоветы, в том числе и Краснодарский крайком ВКП(б), «к 1 января 1938 года представить в ЦК ВКП(б) предложения о ликвидации этих районов путем реорганизации в обычные районы и сельсоветы» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Л. 15].

На основании принятого решения 7 января 1938 г. бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) приняло постановление о ликвидации национальных районов и сельских советов путем их реорганизации в обычные районы и сельсоветы. Греческий район, имевший население в 74 500 чел., в том числе 10 900 греков, был переименован в Крымский район с центром в станице Крымской. При этом Греческий сельсовет переименовался в Ново-Крымский, а остальные пять сельсоветов (Мерчанский, Краснозеленый, Шептальский, Ильческий и Прохладненский) сохраняли свои названия. Ванновский район, имевший 17 815 жителей, в том числе 6 521 немца, переименовывался в Северо-Кубанский. Село Ванновское, остававшееся административным центром района, также переименовывалось в Северо-Кубанское, «по имени Северо-Кубанского полка, значительное число бывших бойцов которого живет в этом селе и на близлежащем хуторе». Переименовывался в Северо-Кубанский и Ванновский сельсовет, в то время как остальные национальные сельсоветы (Ленинский, Леоновский, Ново-Ивановский, Ново-Селовский, Семеновский), став обычными, сохраняли свои наименования. Подробные сведения о реорганизации национальных советов в Краснодарском крае в 1938 г. представлены в табл. 1. Похожие процессы шли и в других краях и национальных автономиях Северного Кавказа.

Таблица 1

Реорганизация национальных сельсоветов в Краснодарском крае в 1938 г. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп 120 Д. 324. Л. 101–104]

Прежнее название	Национальность	Район	Новое название
Греческий	греческий	Греческий (Крымский)	Ново-Крымский
Ванновский	немецкий	Ванновский (Северо-Кубанский)	Северо-Кубанский
Греческий	греческий	Белореченский	Ивановский
Сеннентальский	немецкий	Гулькевичский	Красносельский
Мариентальский	немецкий	Кущевский	Раздоленский
Ленинтальский	немецкий	Ладожский	Ленинский
Ново-Эстоновский	эстонский	Отраденский	Предгорный
Ливонский	эстонский	Успенский	Ново-Урупский

Нейгофманский	немецкий	Крыловской	Пашковский
Розентальский	немецкий	Крыловской	Ново-Кугоейский
Макопсинский	греческий	Шапеугский	Майкопский
Мирненкий	немецкий	Армавирский	Мирненский
Варваровский	чешский	Анапский	Варваровский
Витязевский	греческий	Анапский	Витязевский
Джегинский	немецкий	Анапский	Джегинский
Липниковский	немецкий	Адлерский	Липниковский
Юринический	греческий	Адлерский	Юринический
Александровский	немецкий	Ейский	Александровский
Воронцовский	немецкий	Ейский	Воронцовский
Прасковеевский	греческий	Геленджикский	Прасковеевский
Красно-Стрелецкий	латышский	Ленинградкий	Красно-Стрелецкий
Щедокский	немецкий	Мостовской	Щедокский
Долиновский	немецкий	Ново-Титаровский	Долиновский
Марьянский	немецкий	Успенский	Марьянский
Тауруп-Звездочанский	латышский	Штейнгартовский	Тауруп-Звездочанский

Таким образом, первые советские десятилетия стали временем интенсивных преобразований в политическом пространстве Юга России, периодом активных поисков новых государственных и административных форм обустройства населявших его народов. Ход и содержание национально-государственных и административно-территориальных преобразований в первые советские десятилетия определялись взаимодействием различных факторов и соответствующих устремлений большевистского руководства. Во-первых, большевикам, изначально деклариовавшим право наций на самоопределение, приходилось учитывать подъем национальных движений, породивший альтернативные советским республикам национально-государственные и религиозно-политические проекты в годы Гражданской войны. Во-вторых, перспективы построения социализма требовали создания промышленности, формирования рабочего класса, повышения образовательного уровня населения и решения других задач. Все они были тесно связаны с созданием не только соответствующей административной, хозяйственной, транспортной и социальной инфраструктуры, но и эффективной системы управления регионом, особенно в условиях непрекращающихся антисоветских восстаний. Наконец, на административных преобразованиях сказывались и обстоятельства ситуативного характера, а также личные качества отдельных политических лидеров.

Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.

Источники

Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.). М.: РОССПЭН, 2011. 1094 с.

Декреты Советской власти. Т. XII. Декабрь 1920 г. — январь 1921 г. М.: Политиздат, 1986. 428 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.

ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 1095 с.

Литература

Абулова Е.А. Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа, 1917–1937. Ростов-на-Дону. Издательство Ростовского университета, 1984. 162 с.

Автономия народов Северного Кавказа: о зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности на Северном Кавказе. Орджоникидзе: Ир, 1973. 255 с.

Ансоков М.Г. Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии (1917–1936). Нальчик: Эльбрус, 1974. 209 с.

Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп: Меоты, 1994. 424 с.

Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 164 с.

Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. 1917–1924 г. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009. 222 с.

Джазаева И.А.–А. Процессы территориального размежевания в Карачае в 1920–1930 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 33–41.

История национально-государственного строительства в СССР 1917–1978. 3-е изд., доп. и перераб. В 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 1. 423 с.

Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 336 с.

Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 400 с.

Кониев Ю.И. Автономия народов Северного Кавказа: О зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности на Северном Кавказе. Орджоникидзе: Ир, 1973. 255 с.

Коркмасова К.Д. Национальная государственность в СССР. Ростов-н/Д: Издательство Ростовского университета, 1970. 167 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1929–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.

Мулукаев Р.С. Развитие советской государственности в Северной Осетии. Краткий историко-юридический очерк. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1958. 122 с.

Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп: Меоты, 1995. 285 с.

Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп: Меоты, 1994. 272 с.

Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар: [Б.и.], 1997. 127 с. С. 57.

Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М.: Издательство МГОУ, 2003. 268 с.

Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов-н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.

Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

Шнайдер В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 — конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. 2-е изд. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2015. 417 с.

Эбзеева С.Э. Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа. М.: Юридическая литература, 1976. 135 с.